

РАЗБОЙНИЧЕСТВО В БОЛГАРИИ НАКАНУНЕ И В ПЕРВЫЕ ВЕКА ОСМАНСКОГО ГОСПОДСТВА

Н. В. Пасько, Д. И. Полювянный

Пасько, Н., Полювянный, Д. Разбойничества в Болгарии в навечерие и в первые векове на османското господство

Статията разкрива континуитета между разбойничеството от последния век в живота на средновековната Българска държава и румелийското хайдутство от първото столетие на османското господство. Специално внимание е отделено на общите черти между политиките на българските и османските власти относно разбойниците (наказания, опазване на пътища, проходи и пр.). Статията засяга същността на хайдутството и неговата трансформация в националноосвободително движение.

Ключеви думи: България, разбойничество, османско господство, хайдутство.

Пасько, Н. В., Полювянный, Д. И. Разбойничество в Болгарии накануне и в первые века османского господства

В статье выявляется преемственность между разбойничеством последнего века существования средневекового Болгарского государства и румелийским гайдучеством первого столетия османского господства. Особое внимание уделено общности политики болгарских и османских властей по отношению к разбойникам (наказания, охрана дорог, переправ и т. д.). Затрагивается вопрос о сущности гайдучества и его дальнейшей трансформации в национально-освободительное движение.

Ключевые слова: Болгария, разбойничество, османское господство, гайдучество.

Pas'ko, N., Polyvyannyy, D. The brigandage in Bulgaria on the eve and in the first centuries of the Ottoman domination

The article reveals continuity between the brigandage of the last century of the medieval Bulgarian state and the Rumelian hayduks of the first century of the Ottoman rule. Special attention is given to common features in the policies of Bulgarian and Ottoman authorities towards brigands (punishment, protection of roads, passes, etc.). The article concerns the essence of the hayduk movement and its subsequent transformation into national liberation movement.

Keywords: Bulgaria, brigandage, Ottoman domination, hayduks.

Постоянное присутствие вооруженного насилия в повседневной жизни – одна из неотъемлемых черт общества на ранних этапах его развития. В Европе Средневековья и раннего Нового времени среди форм вооруженного насилия особое место занимало разбойничество, о широком и повсеместном распространении которого говорят богатый репертуар прямых и иносказательных названий разбойников в европейских языках, обилие связанных с ними сюжетов в фольклоре и агиографии¹, частые упоминания о разбое в правовых памятниках². Если морское пиратство было своеобразной „профессией“, связанной с преступным миром портовых городов, то сухопутное разбойничество, которое нередко носило „сезонный“ характер, питала прежде всего аграрная среда.

Разбойники заведомо и открыто позиционировали себя по ту сторону любого писаного или неписаного права, выводили себя за рамки существующих иерархий – иногда временно, с целью вернуть или повысить утраченный социальный статус. Это, в свою очередь, требовало от государственных и общественных структур жестких и действенных мер против разбойников.

Рассматривая исторические формы разбойничества в социальном контексте, британский историк Э. Хобсбаум обратил внимание, что пополнение разбойничьих рядов шло в основном за счет неженатой молодежи из крестьянских семей и одиноких мужчин различного происхождения, потерявших семьи или порвавших с сообществами, к которым они ранее принадлежали (изгоев, дезертиров, беглецов, разорившихся или лишенных наследства людей и пр.)³. Ростом разбойничества сопровождалась войны и междоусобицы, кризисы власти и природные бедствия, миграции населения и заселение колонистами равнин в гористой местности, формирование и пересмотр границ между государствами, уделами и пр. Еще один аспект – тесная связь разбойничества с ком-

муникациями – горными перевалами, мостами и бродами, лесными массивами, через которые проходили дороги.

В историографии болгарского Средневековья и раннего Нового времени существует несколько подходов к периодизации истории местного разбойничества (гайдучества, арамейства). Первый из них, характерный для большинства болгарских и для части отечественных исследователей, проводит черту между средневековым разбойничеством и гайдучеством османской эпохи, выделяя в последнем ранние тенденции к перерастанию в народное движение против завоевателей. Второй, представленный частью западных и российских ученых, представляет гайдучество сложным социально-историческим феноменом, который сформировался в условиях зрелого османского государства не ранее второй половины XVI в. Наконец, третья точка зрения сдвигает хронологические границы „национально-освободительного“ периода гайдучества на XVIII–XIX вв., относя его предшественников к „социальным бандитам“ по терминологии Э. Хобсбаума⁴.

В настоящей работе мы выдвинем дополнительные, хотя и косвенные аргументы в пользу второй точки зрения, обосновывая прямую преемственность между разбойничеством последнего века существования средневекового болгарского государства и румелийским гайдучеством первого столетия османского господства. Эта попытка укладывается и в русло другой отчетливой тенденции современной историографии – продлить эпоху болгарского Средневековья за счет размывания хронологического рубежа установления здесь османского владычества⁵.

Поскольку источники, прямо касающиеся разбойников, фрагментарны и малочисленны, целесообразно привлечь сведения о восприятии разбойничества современниками, а также данные о противодействии разбойникам со стороны властей. О распространении разбойничества в православных балканских странах говорит обилие упоминаний о нем в правовых памятниках. Составленный в первой половине XIV в. византийским канонистом Матфеем Властарем алфавитный кодекс „Синтагма“, который использовался в Болгарии и Сербии, включает и статьи, касающиеся разбойников. Общая правовая норма, что „с оружием нападающие и опустошающие чужие дома или поля наказываются смертной казнью“, в применении к разбойникам получила здесь важное дополнение: „Разбойники известные казнятся чрез повешение в тех местах, в которых совершали преступления, дабы сим зрелищем устрашить решающихся на сие и доставить утешение родственникам убитых“⁶. Даже раскаявшийся разбойник, согласно „Синтагме“, должен быть подвергнут суду как убийца: „Великий Григорий Нисский в 6-м правиле повелевает разбойника раскаявшегося и через покаяние прибегшего к Церкви подвергать суду человекоубийц, ибо разбойник, для достижения своего намерения, говорит св. отец, „употребляет и человекоубийство, и к сему приуговоряется и оружием, и скопищем подобных себе и способности мест“⁷. Кодекс устанавливал, что „тот, кто для общей пользы, приложив старание отыскать разбойника, найдет и убьет его, тот и по гражданским и по церковным законам не только не подвергнется наказанию, но должен быть удостоен и наград, как спасший от смерти своих единоплеменников и сделавший страну безопасной“. В то же время, согласно „Синтагме“ и другому общеправославному своду – Номоканону, убийство разбойника в схватке обычным жителем или путником считалось самозащитой только в том случае, если разбойник напал первым⁸.

Согласно Законнику сербского царя Стефана Душана (1349 г., дополнен в 1354 г.), разбойники (гусаре), как и по „Синтагме“, карались смертью, и при этом вся ответственность за борьбу с ними возлагалась на местные власти – кефалиев и подведомственных им стражей, которые были обязаны охранять путников и их имущество от нападений разбойников. Более того, кефалии и население деревень, несшее повинность стражи, должны были возмещать пострадавшим ущерб от ограбления их разбойниками⁹.

В Болгарии не составлялись своды законов, подобные „Синтагме“ и „Законнику“, но в царских грамотах упоминается возмещение ущерба от разбойничества – „разбой“, от которого, например, был освобожден Иоанном Александром (1331–1371) монастырь св. Николая в с. Оряхово¹⁰. Наиболее полное определение разбойничества находится в части Синодика болгарской церкви, которая составлена в XIV в.: „Все, кто дома христианские грабит, или коней ворует, или волов, или на дорогах обирает на пагубу и

тщету христианам, и всем, кто их посылает на такие дела, или, зная о них, покрывает, анафема¹¹. В определении Синодика, читавшегося в храмах в первое воскресенье после Пасхи, привлекает внимание структурирование разбойничьего „ремесла“. Наряду с нападениями на жилища и угоном скота, упоминается классический бандитизм „на большой дороге“. Особо выделены те, кто посылает разбойников „на дело“, и те, кто по сути дела, помогает им, не выдавая властям их убежищ.

Другой церковный источник – написанное вселенским патриархом Каллистом и переведенное на славянский язык во второй половине XIV в. житие св. Григория Синаита, сообщает, что разбой был распространен среди жителей болгаро-византийского пограничья издавна „по давнему обычаю и вошел в их нрав“¹². Основанная св. Григорием обитель в Парории подвергалась частым нападениям разбойников, причиной чего, как отмечает житие его ученика – Ромила Бдинского, был распространившийся по всей стране голод („И сильный голод был по всей той стране и разбойники, по дорогам засевающие, творили зверства...“)¹³. В житии св. Ромила дается впечатляющее описание „зело лютых“ жестокостей, чинимых разбойниками: „Раскаленное железо в утробы иноков влагали, требуя у них то, что имели они для своих малых потребностей, и, забрав все, оставляли рабов и служителей Божьих даже без этих самых нужных вещей“¹⁴. „Хусаре“, как их называли местные жители, не только творили бесчинства, но и были задействованы в конфликтах между монастырями – недовольный приходом синайского подвижника местный старец Амирали не только угрожал Григорию навести на него разбойников, чтобы те погубили его вместе с учениками, но и реализовал эту угрозу. В конце концов инокам пришлось покинуть Парорийский монастырь, отправиться во внутренние области Болгарии (Загорье) и просить о защите царя Иоанна Александра. Вняв жалобам Синаита, царь устранил разбойников, нападавших на Парорию, смертной казнью и выстроил башню-пирг для укрытия иноков. Однако по возвращении монахов в Парорию на них обрушились новые бедствия – на обитель стали нападать турецкие отряды, и ее пришлось забросить¹⁵.

В православных славянских государствах Балкан в XIV в. жителям сел, расположенных вдоль дорог в горных ущельях и у речных переправ, государством вменялось в обязанность охранять пути и путников от разбойников. Однако те, кто был призван бороться с разбойниками, видимо, не слишком отличались от них. Византийский хронист Никифор Григора в частном письме (1326 г.), целиком включенном затем в его „Ромейскую историю“, подробно описал свою встречу с такими стражами – выходцами из Болгарии – во время путешествия по Македонии: „Я старался всеми силами поддерживать в себе бодрость духа, но тот не подчинялся и не переставал упрекать за несвоевременное путешествие. Обращаясь непрерывно сам к себе, дух мой видел снова и снова повторяющиеся картины засад и кровожадных мужей, которые из укрытия нападают на нас и убивают мечами. И пока мы находились в этом тяжелом положении, неожиданно из местных ущелий и пропастей появились некие мужи, одетые в черные одежды из шерсти и овечьей кожи, которые они изготавливали сами от овец, когда испытывали в них необходимость. Эти мужи были настоящими демонами-привидениями. Действительно, они не были целиком облачены в железо, как тяжело вооруженные воины, но не были и совсем безоружны. У большинства в руках было оружие для ближнего боя, например, копья и топоры, а у некоторых были и стрелы. В первый момент ужас и страх объяли нас. И могло ли быть иначе? Ведь мы находились в чужих местах, в непроглядном ночном мраке и при том между людей, которые не знали нашего языка. Большинство тамошних жителей – переселенцы из Мёзии (т. е. Болгарии) и ведут образ жизни, подобный своим соплеменникам. Затем мы опомнились и пришли в себя, потому что они вежливо и добродушно приветствовали нас на своем языке. Они не проявили никаких разбойничьих намерений, или потому, что по сравнению с нами их было мало, и они сочли бой с нами неравным, или потому, что их остановил Господь. Я допускаю более второе, чем первое, потому что как местные и опытные в устройстве засад против нас, чужаков, в тамошних местах люди они, если бы пожелали сразиться в такой непроглядной темноте, то делали бы это так, как если бы зрячие сражались со слепыми. Получив подобное приветствие и с нашей стороны (некоторые из наших понимали их язык), они кратко сообщили причину

своего пребывания там. Они были стражами дороги (φύλακες τῶν ὁδῶν) и были обязаны прогнать всякого, который пожелал бы, скрытно нападая, грабить близкие места¹⁶. Из текста самого письма следует, что упоминаемые здесь злоумышленники „переходят из соседних областей“, т. е. Болгарии или Сербии.

В византийских источниках о Болгарии XIV в. разбойниками называются также предводители вооруженных отрядов, нередко выступавшие в качестве наемников в бесконечных конфликтах между балканскими государями. Тот же Никифор Григора, описывая со слов своего предшественника Георгия Пахимера начало мятежа Ивайло-Лоханы в Болгарии (1277 г.), добавляет, что тот, будучи свинопасом, собрал вокруг себя много простых и необузданных людей и начал жить жизнью разбойника (ληστρικών βίον)¹⁷. Предводителем разбойничьей шайки, по словам Иоанна Кантакузина, в начале своей карьеры был и активный участник болгарско-византийских усобиц Момчил („Момчил юнак“), гибель которого нашла широкий отклик в средневековых балканских летописях.

В фольклоре и литературе народов всей Европы были распространены сюжеты о раскаивающихся разбойниках, ставших благочестивыми христианами, что выделяло разбойничество среди прочих преступных деяний. В средневековой Болгарии такие притчи распространились вместе с т.н. Патериками – сборниками монастырских поучительных рассказов и житий. Особенной популярностью пользовался т.н. Синайский патерик („Луг духовный“, или Лимонарь) – славянский перевод сборника Иоанна Мосха (конец VI – начало VII в.), куда входили несколько повествований о раскаившихся разбойниках. Надо отметить, что их сюжетные линии в целом соответствовали цитированному выше каноническому установлению: раскаивание не избавляло разбойников от суровых светских наказаний, включая смертную казнь¹⁸.

Специфическую интерпретацию этого мотива демонстрирует славянское житие св. Варвара Пелагонийского, почитание которого приобрело особое значение в Болгарии в середине XIV в., когда миро от мощей святого использовалось в Болгарской патриархии для помазания. Согласно житию в южнославянском списке XV в. Варвар, „египтянин“ по происхождению (т. е., возможно, цыган), более двадцати лет занимался „хусарским ремеслом“ на суше и на море и был избран товарищами атаманом за физическую силу и меткость стрельбы. Потерпев кораблекрушение, разбойник дал обет посвятить себя Господу и исполнил его, став отшельником. Варвар погиб от случайной стрелы самострела, поставленного охотником, что символизировало отложенную до примирения с Богом заслуженную кару. В тропаре, завершающем житие, св. Варвар сравнивается с евангельским разбойником (Лк. 23:40–43): „Разбойник, с Христом сораспятый, Бога так сущего уразумел, Варвар же не был сочтен разбойником (НЕ ПОЛУЧЬ РАЗБОЙНИЧЬ-СТВА), в Бога так веруя истинного“¹⁹.

Средневековое общественное сознание часто наделяло разбойников чертами народных мстителей и заступников. Если в классическом европейском Средневековье хрестоматийным примером благородных разбойников были веселые обитатели Шервудского леса, то фольклорные и литературные традиции южных славян в раннее Новое время возвели в ранг народных защитников-борцов против османского ига их балканских собратьев (гайдуков, арамиев, хусар, ускоков, клефтов) и пр. В болгарской историографии высказывалось мнение о том, что разбойники-гайдуки действовали на болгарской территории уже в XV в. Основой его являются известие французского путешественника Бертрандона де ла Брокьера (1433 г.) о наличии разбойников в Ихтиманском ущелье, где имелись два села, жители которых выполняли функции стражей проходившей здесь дороги²⁰, и летописное сведение о пленении в Софии некоего „воеводы Радича“, помещаемое под 1454 г. („В этом году Мехмед царь пленил Радича, болгарского воеводу, в Софии“)²¹. Последнее увязывается некоторыми болгарскими историками с гайдучеством весьма произвольно и скорее относится к последним актам сопротивления османам со стороны болгарской знати. Как отмечает И. Ф. Макарова, первый век османского владычества в целом характеризовался гораздо более низким уровнем преступности, чем последующие²².

На этом фоне явным диссонансом выступают фольклорные памятники, где прообразом будущих народных мстителей выступает Крали Марко – любимый герой юнацких

песен. Его реальный прототип – „королевич“ Марко, сын убитого в 1371 г. при Черномене Вукашина – был османским вассалом и погиб в битве при Ровине (1395 г.), сражаясь на стороне султана Баязида I (1389–1402) против валашского господара Мирчо Старого. Мотивы героических деяний Марко заняли настолько прочное место в болгарской фольклорной традиции, что попали в круг внимания иностранных путешественников (Мелхиор Безолт – 1584, Райнхолд Любенау – 1587). Последний отмечал: „Болгары сочинили одну особую песню об этом Марко, которую они постоянно поют в честь этого деспота на своих сборищах и везде, где бы они ни были“²³. Вымышленные похождения фольклорного Марко, в свою очередь, стали образцом для песен о гайдуках. В результате даже в трудах ученых-славистов, например, П. А. Сырку, сам Марко предстал предводителем гайдуков, собиравшим вокруг себя „огромные четы, которые равнялись целым войскам“²⁴.

На наш взгляд, создание героического эпоса о Марко в период установления османского господства явилось своеобразным средством адаптации болгар к новым внесленным в их жизнь порядкам. „Персонификация индивидуальных и коллективных идеалов“²⁵ в образе „благородного разбойника“ выполняла сразу несколько функций: во-первых, позволяла теоретически расширить границы возможностей повествователя, поскольку соперживавший своему герою рассказчик с большой долей вероятности мог найти нечто общее с собирательным образом своего храброго и решительного героя; во-вторых, „легализовывала“ разбой, в который мог быть втянут либо сам повествователь, либо кто-то из членов его семьи в общественном сознании. Появившиеся позже песни о Новаке, Велко, Чавдаре и других гайдуцких атаманах – „воеводах“ – укрепили и развили эту тенденцию уже на более позднем, но немногим более достоверном материале преданий о народных мстителях.

Однако даже героизация гайдучества не уничтожила традицию считать разбойничество антиобщественным деянием и тяжким грехом. Как показано в работе болгарского исследователя Н. Ненова, для гайдуцкого эпоса характерно не только воспевание подвигов, но и мотив „грешных гайдуков“, деяния которых включали осквернение могил, убийство родственников, поджоги и грабежи церквей и монастырей²⁶. Среди подвергаемых мукам грешников помещают разбойников фрески с изображением Страшного суда в болгарских церквах XV в. (Драгалевци, Бобошево) и фольклорные тексты о Страшном Суде²⁷.

Упоминания о деятельности „гайдуков“ и „разбойников“ в болгарских землях становятся более частыми в XVI в. В исламском праве разбойничество („худуд“) считалось одним из наиболее тяжелых преступлений. В Коране (5:34–35) разбойничество („хираба“) названо „войной против Аллаха и его Посланника“, а разбойники – „сеющими беспорядок по всей земле“. При этом следует учитывать, что разбойниками в традиционном смысле не считались люди, принадлежавшие „к дому войны“, т.е. приходившие из земель, еще не завоеванных османами, они относились к вооруженным противникам, подлежавшим уничтожению или плену²⁸.

Османские правовые источники косвенно подтверждают неоднозначное отношение к гайдукам сельского населения, нередко прямо или опосредованно страдавшего от разбойных нападений. Так, в султанском приказе („заповеди“) о пресечении разбоя в румелийских санджаках (в т. ч. и в районе Софии) 1528 г. указывается, что группы разбойников „нападают среди ночи на села, убивают людей, грабят имущество...“, совершают нападения на дорогах, грабят караваны... и в целом совершают различные подобные мятежи и чинят зло“²⁹. В канун-наме второй половины XVI в. о назначении стражников мартолосо́в для охраны дорог в горных районах Видинского санджака основной задачей вспомогательных османских войск, наряду с охраной горных проходов, помощью чиновникам при сборе государственных налогов, объявляется защита райи от разбойников³⁰.

Распространение разбойничества и принимаемые против него меры отмечали и те путешественники, которые проезжали через болгарские земли в XV–XVI вв. Так, по сообщению А. Вранчича, если местные жители-селяне не были объектом нападения разбойников, но жили в том районе, где было „совершено разбойничество“, а совершивший преступление не был найден, они наказывались вместо преступников. „В результате

этого“, писал Вранчич, – „сегодня даже малые группы путников могут спокойно миновать эти горы, поскольку каждое село, которое до этого само было разбойным, теперь из-за страха наказания охраняет свою территорию“⁴³¹.

По замечанию того же Вранчича (1553 г.), леса у с. Дервент (район р. Моравы), „хотя маленькие и не очень густые, имеют дурную славу, поскольку удобны для разбойнических засад“⁴³². Более жесткую оценку состоянию дел в европейских владениях Османской империи дал Ханс Дерншвам (1555 г.), утверждавший, что во всех районах Турции „царят лишь разбойничество и грабеж“⁴³³.

Зачастую суждения иностранных путешественников основывались не на их личном опыте, а на услышанных ими рассказах. Так, французский гуманист Жакоб Бонгарс (1585 г.) писал: „На другой день мы прошли через горы и леса, о которых *рассказывают* [курсив наш – Н. П.], что они полны гайдуков, чье количество около 300“⁴³⁴.

Как бы то ни было, подобные рассказы, пусть даже и преувеличенные страхом или фантазией, имели под собой основания, поскольку XVI век действительно стал сложным периодом для большей части населения империи. Так, в 1520–1580 гг. в отдельных районах Румелии численность населения увеличилась более чем на 70%⁴³⁵. При этом основу демографических перемен как в Анатолии, так и на Балканах составило увеличение численности населения в сельских округах⁴³⁶. Рост численности крестьян привел к нехватке земли и увеличению „удельного веса категории *мюджерред* – холостых крестьянских юношей, лишенных возможности получить надел и завести семью“⁴³⁷. Это „избыточное“ сельское население часто наводняло города, но и там, встречая серьезные ограничения для проникновения в эснафы (торгово-ремесленные корпорации), не находило себе места, умножая численность маргинальных слоев⁴³⁸.

Вероятно, именно такие „лишние люди“ и составляли основную массу людей, вступавших в разбойные отряды. По выражению российского социолога Я. Гилинского, „функциональные недостатки официальной структуры приводят к образованию неофициальных структур для удовлетворения потребностей“⁴³⁹, и это суждение вполне можно применить к данной ситуации.

Естественно, увеличение числа разбойников не могло не вызвать противодействия османских властей. Как уже упоминалось выше, одной из мер стало наложение наказания на жителей сел, в округе которых безнаказанно действовали разбойники. Помимо этого предпринимались и превентивные действия – еще с XIV в. началось возведение мостов, позволявших обойти стороной наиболее опасные для путешественников территории („Раньше окрестность моста Эркене была лесистой, множество пустынных и лесистых мест были укрытиями для арабий... Поэтому султан... израсходовал большие средства... и построил один просторный несравненный мост“⁴⁴⁰), организовывалось сопровождение путников („янычары, которые сопровождали нас, пустились вслед за ними [разбойниками]“⁴⁴¹), создавались отряды дервентжиев, занимавшихся охраной горных проходов. Для оповещения путников об опасности использовались барабаны. Как в своих записках сообщает Р. Лубенау (1587 г.), „в лесу на вершине высокой горы были поставлены стражники, которые при помощи турецких барабанов давали путнику знак, чтобы он остерегался разбойников, которых много водится в этих местах“⁴⁴². Однако это техническое усовершенствование османского времени мало что добавляет к картине, описанной более чем двумя веками ранее Никифором Григорой.

* * *

Приведенные выше факты и выводы, на наш взгляд, подтверждают мнение о том, что средневековое разбойничество традиционно сохранялось среди населения Болгарии в эпоху установления османского владычества в XV в. В XVI в. демографические процессы актуализировали его на новом уровне, создав относительно массовую базу, а начавшийся в XVII в. структурный кризис Османской империи привел к его трансформации в направлении, которое завершилось формированием нового вида вооруженной правоохранительной деятельности, сопряженного с осознанным противостоянием османским властям и самоуправству местной мусульманской верхушки. Начало „коренного перелома“ в войнах христианских коалиций против османов во второй половине XVI в. открыло перед гайдуками

перспективы легальной военной карьеры и перевело болгарское разбойничество в новую стадию, качественно отличавшуюся от прежней.

¹ *Левкиевская, А. А.* Разбойник. – В: Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). М., 2009, с. 391–395.

² В последние годы разбойничество в Османской империи стало объектом специального изучения (См.: *Osmanlı'dan Günümüze Eşkiyalık ve Terör.* Samsun, 2009, 528 p.).

³ *Hobsbawm, E.* Bandits. Revised Edition. N. Y. Pantheon Editions, 1981.

⁴ См.: *Пасько, Н. В.* Историография болгарского гайдучества в XV–XVII вв. – Наука и школа, 2012, № 3, с. 150–152.

⁵ *Генчев, Н., Георгиева, Ц.* История на България. Т. 2: XV–XIX вв. София, 1999, с. 20–34.

⁶ Алфавитная синтагма Матфея Властаря. М., 1892 [электронный ресурс]. Пер. Н. Ильинского. Репринт (с перенабором). М., 1996. Буква К. Гл. 23 <http://krotov.info/acts/canons/vlastar06.html#k23>.

⁷ Там же. Буква Л. Гл. 6 <http://krotov.info/acts/canons/vlastar06.html#Л6>.

⁸ *Павлов, А.* Номоканон при большом требнике. Его история и тексты, греческий и славянский, с объяснительными и критическими примечаниями. 1897, с. 117–119.

⁹ *Зигель, Ф.* Законник Стефана Душана. Вып. 1. 187, с. 82.

¹⁰ *Даскалова, А., М. Райкова.* Грамоти на българските царе. София, 2005, с. 42, 331.

¹¹ *Божилков, И., А. Тотоманова, И. Билярски.* Борилов синодик. Издание и перевод. София, 2010, с. 146, 177.

¹² Житие Григория Синаита, составленное Константинопольским патриархом Каллистом. Текст славянского перевода жития по рукописи XVI в. и историко-археологическое введение. Посмертный труд П. А. Сырку. СПб., 1909, с. 41–43.

¹³ Монаха Григория житие преподобного Ромила по рукописи XVI в. Императорской публичной библиотеки, собрания Гильфердинга с приложением службы преподобному Ромилу по рукописи XVII в. Белградской народной библиотеки. Сообщение П. А. Сырку. СПб., 1900, с. 14.

¹⁴ Цит. по: *Сырку, П.* К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Т. 1. Вып. 1. Жизнь и труды патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1898, с. 106.

¹⁵ Полный текст жития см. *Стара българска литература.* Т. 4: Житиеписни творби. София, 1985, с. 468–491.

¹⁶ Гръцки извори за българската история. Т. 11. София, 1982, с. 148–149.

¹⁷ Там же, с. 136.

¹⁸ Луг духовный. Гл. 71, 143, 166, 189, 212.

¹⁹ См. *Иванова, К.* Житието на Варвар Мироточец Пелагонийски (Битолски). – Старобългаристика, 2000, № 2, с. 40–60.

²⁰ *Бертрандон, де ла Брокиер.* Задморско пътешествие. София, 1968, с. 35.

²¹ *Пастухов, И.* Българска история. Т. 2. София, 1944, с. 462.

²² *Макарова, И. Ф.* Болгарский народ в XV–XVIII вв. М., 2005, с. 33–34.

²³ Немски и австрийски пътеписи за Балканите XV–XVI в. Т. 3. Увод, подбор и коментар М. Йонов. София, 1979, с. 467.

²⁴ *Сырку, П.* Указ. соч., с. 10.

²⁵ *Pavicevic, O., Simeunovic-Patic, B.* Srbija i (anti)heroji. – Sociologia, 47, 2005, № 2, с. 161.

²⁶ *Ненов, Н.* Българската хайдушка епика. София, 1999, с. 100–114.

²⁷ *Макарова, И. Ф.* Указ. соч., с. 35.

²⁸ *Medieval Islamic Civilization. An Encyclopedia.* V. 1. Ed. J. Meri. NY, Taylor and Francis, 2006, p. 327; *El Fadl, K. A.* Rebellion and Violence in Islamic Law. Cambridge, 2001.

²⁹ *Цветкова, Б.* Хайдутството в българските земи през 15/18 век. Т. 1. София, 1971, с. 78.

³⁰ Там же, с. 96.

³¹ Немски и австрийски пътеписи..., с. 187.

³² Там же, с. 177.

³³ Там же, с. 258.

³⁴ *Цветкова, Б.* Указ. соч., с. 87.

³⁵ *Петросян, Ю. А.* Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М., 2003, с. 149.

³⁶ *Мейер, М. С.* Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991, с. 84.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, с. 85; *Петросян, Ю. А.* Указ. соч., с. 148–149.

³⁹ *Гилинский, Я.* Социология девиантного поведения и социального контроля: краткий очерк. – Рубеж (альманах социальных исследований), 1992, № 2, с. 53.

⁴⁰ *Цветкова, Б.* Указ. соч., с. 75.

⁴¹ Немски и австрийски пътеписи..., с. 477.

⁴² Там же, с. 456.